

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82

doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-8-16

Наследие европейских романтиков и мотив путника в ночи (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов)

Герман Юрьевич Филипповский

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Аннотация. В данной статье рассматриваются европейские предистoki романтического мотива странствия в ночи поэзии Пушкина и Лермонтова в произведениях немецких и английских поэтов-романтиков. Образ ночи, как своего рода «эха» дня, занимал в поэтическом мышлении эпохи романтизма важное место в иерархии «мировой отзывчивости» («свет и в ночи светит», интерпретируя библейский текст: «и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). В известных произведениях А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова «Зимняя дорога», «Бесы», «Выхожу один я на дорогу...» странствие в ночи погружено в атмосферу романтического двоемирия. Мотив коммуникации в поэтических текстах отнюдь не является достоянием только нашего века всемирных связей, но восходит к ранним эпохам: античности («Одиссея» Гомера), средневековью и возрождению (поэзия Данте и Чосера), предромантизму и романтизму (поэзия Гёте, Эйхендорфа, Гёльдерлина). Стихотворения позднего Пушкина «Странник» (1835) восходит к тексту английской поэмы Джона Беньяна «Путь пилигримов» (1678). Поэтические искания Пушкина 1830-х годов обращены к мотивам Спасения и Света, поискам Верного Пути (в «Страннике» образ юноши, читающего книгу (Библию), указующий путнику Верный Путь и тесные врата Спасения). Лермонтов 1840-х гг. в своём знаменитом ноктюрне «Выхожу один я на дорогу...» создаёт образ путника в ночи, который близко смыкается с традицией немецких романтиков: Гёте, Эйхендорфа, Гёльдерлина. «Ночные вопрошания» Пушкина в текстах 1830 и 1835 г., с обращением к английской поэме Джона Беньяна и к поэтам «озёрной школы» У. Вордсворту и Р. Саути, являются ярким подтверждением мыслей Ф. М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» нашего великого поэта.

Ключевые слова: романтизм; поэтический мотив путника в ночи; Пушкин и Лермонтов; английские и немецкие поэты-предромантики и романтики; «всемирная отзывчивость» Пушкина; Достоевский; Джон Беньян; Гёте; Эйхендорф; «оссианские баллады» Макферсона; Новалис; Юнг; Гёльдерлин

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. Наследие европейских романтиков и мотив путника в ночи (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 8–16. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-8-16>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

The legacy of the european romantics and the motif of a traveler in the night (A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov)

German Yu. Philippovsky

Doctor of philological sciences, professor of russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Abstract. This article examines European origins of Pushkin's and Lermontov's romantic motif 'wandering in the night' in the works of german and english romantic poets. The image of the night as an «echo» of the day held an important place in the hierarchy of «universal empathy» in the Romanticist poetic thinking («the light also shines in the night»), interpreting the biblical text: «and the light shines in darkness, and darkness has not embraced it» (John 1:5). In the famous works by Pushkin and Lermontov, «The Winter Road», «The Possessed», and «I Go Out Alone on the Road...», wandering in the night is immersed in an atmosphere of romantic dual reality. The motif of communication in poetic texts is by no means the property of our global communication age alone, but goes back to earlier eras: Antiquity (Homer's Odyssey), the Middle Ages and the Renaissance (the poetry of Dante and Chaucer), Pre-Romanticism and Romanticism (the poetry of Goethe, Eichendorff, and Hölderlin). Pushkin's later poem «The Wanderer» (1835) goes back to John Benjamin's poem «The Way of the Pilgrims» (1678). Pushkin's poetic quest of the 1830s turned to the motifs of Salvation and Light, the search for the Right Way (the image of a young man reading a book (the Bible) in «The Wanderer», showing the traveler the Right Way and the narrow gate of Salvation). Lermontov, in his famous nocturne «I go out alone on the road...» (1840s), creates an image of a traveler in the night, which is closely related to the tradition of the German Romantics: Goethe, Eichendorff, and Hölderlin. Pushkin's «night inquiries» in 1830 and 1835 texts, with references to John Benjamin's english poem and to the Lake School poets W. Wordsworth and R. Southey, are a striking proof of F. M. Dostoyevsky's thoughts on the «universal empathy» of our great poet.

Key words: romanticism; poetic motif; traveler in the night; Pushkin and Lermontov; english and german pre-romantic and romantic poets; Pushkin's «universal empathy»; Dostoyevsky; John Benjamin; Goethe; Eichendorff; McPherson's «Ossian ballads»; Novalis; Jung; Hölderlin

For citation: Filippovsky G. Yu. The legacy of the european romantics and the motif of a traveler in the night (A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov). *Verhnevoltzhski philological bulletin*. 2022;(1):8–16. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-8-16>

Вступление. Образ ночи, как своего рода «эха» дня, занимал в поэтическом мышлении эпохи романтизма важное место в иерархии «мировой отзывчивости» («свет и в ночи светит», интерпретируя библейский текст: «и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). В кодексе поведения этой эпохи коммуникативная динамичность романтиков избирала, подчас, общение мужчины и женщины, влюблённой пары, через луну, глядя на неё в условленный час ночи. В поэзии Романтизма популярен был мотив странника в ночи: «Выхожу один я на дорогу, // Сквозь туман кремнистый путь блестит. // Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, // И звезда с звездою говорит...» [Лермонтов, 1988, с. 222–223]. Знаменитое стихотворение М. Ю. Лермонтова (1841) отнюдь не было первым, где появляется образ путника в ночи. В творчестве

А. С.Пушкина [The reader`s..., 1973, p. 436–437] этот романтический мотив [The reader`s..., p. 457–460] хорошо известен по его знаменитому произведению «Бесы» (1830), где путник-ездок погружён в пространство ночной зимней дороги: «Мчатся тучи, вьются тучи; // Невидимкою луна // Освещает снег летучий; // Мутно небо, ночь мутна. // Еду, еду в чистом поле; // Колокольчик дин-дин-дин... // Страшно, страшно поневоле // Средь неведомых равнин!» [Пушкин, 1936, с. 414–415]. Этот романтический мотив пути лунной ночью появляется у Пушкина ещё в 1826 году в его стихотворении «Зимняя дорога»: «Сквозь волнистые туманы // Пробирается луна, // На печальные поляны // Льёт печально свет она. // По дороге зимней, скучной, // Тройка борзая бежит, // Колокольчик однозвучный // Утомительно гремит. // Что-то слышится родное // В

долгих песнях ямщика: // То разгулье удалое, // То сердечная тоска... // Грустно, Нина: путь мой скучен, // Дремля смолкнул мой ямщик, // Колокольчик однозвучен, // Отуманен лунный лик» [Пушкин, 1936, с. 385]. Здесь мотив путника-ездока в ночи, хотя и трактован в романтической тональности, явно неотделим от песенно-путевой, дорожной поэтической темы, уже богатого в русской традиции песенно-балладного творчества. Однако, четырьмя годами позже, в «Бесах» [Пушкин, 1936, с. 414–415] мифологическая народная фантастика домового, ведьмы, духов и бесов явственно преобразуется в ночную лунную, зимнюю картину некоего романтического иномирия. В него, в этот мир ночного видения, оказался погружён путник-ездок. И его диалог с ямщиком перерастает в диалог с фантастическим иномирием, тайными знаками и образами ночной снежной бури.

Характерно, что в том же 1830 году, когда написаны «Бесы» [Пушкин, 1936, с. 414–415], Пушкин создаёт своё знаменитое обращение к ночи, вопрошание её тайн и сокровенных смыслов «Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы»: «Мне не спится, нет огня; // Всяду мрак и сон докучный. // Ход часов лишь однозвучный // Раздаётся близ меня, // Парки бабье лепетанье, // Спящей ночи трепетанье, // Что тревожишь ты меня? // Что ты значишь, скучный шопот? // Укоризна, или ропот // Мной утраченного дня? // От меня чего ты хочешь? // Ты зовёшь или пророчишь? // Я понять тебя хочу, // Смысла я в тебе ищу...» [Пушкин, 1936, с. 420]. Как настоящий поэт-романтик, Пушкин акцентирует мотив тайны, которую следует разгадывать; пророчества, которое влияет на судьбу поэта, его жизненного пути, а, возможно, даже жизни и смерти.

«Кремнистый путь» в ночи текста М. Ю. Лермонтова (1841) был у А. С. Пушкина уже предварён драматическим образом «зимнего пути» героини Татьяны в VII главе «Евгения Онегина» (1827–1828). Быстрыми штрихами набросанная картина времён года здесь заканчивается зимой: «Но лето быстрое летит. // Настала осень золотая // ...и вот сама // Идёт волшебница зима...» [Пушкин, 1936, с. 148]. Следует знаменитое пушкинское описание зимы («...Пришла, рассыпалась...») и фраза: «...Татьяне страшен зимний путь...» [Пушкин, 1936, с. 149]. Европейским романтикам и Пушкину была хорошо известна эта знаковая формула шубертовского «Winterreise» (зимнего пути) – последнего, тра-

гического пути, как знака судьбы. Для пушкинской Татьяны это был неизвестный, неотвратимый путь в будущее, из её деревни в Москву на ярмарку невест («Что мне сулит судьба моя?») [Пушкин, 1936, с. 148].

Мотив пути-дороги в ночи связан у Пушкина часто с зимней темой, например, как уже говорилось, в «Зимней дороге» 1826 и «Бесы» 1830 годов. Также отмечалось, что к 1830-у году относятся и «Стихи, написанный во время бессонницы» [Пушкин, 1936, с. 420] с ночным вопрошанием Судьбы, напряжённым и трагическим всматриванием в пророческое пространство Ночи, где Пушкин ощущал себя путником, странником, пилигримом этой священной и таинственной Ночи. Каждому русскому читателю хорошо известны, памятливы и близки строки Пушкина в его «Зимней дороге» [Пушкин, 1936, с. 385] о ночном лунном пути, к тому же положенные на музыку в виде популярного романса. Проникновенный лиризм этой поэзии сразу позволяет видеть в авторе романтика.

Основная часть. Мотив одинокого путника, странника в ночи уводит нас к наследию романтиков европейской поэтической школы. Ещё молодой Гёте [Пушкин, 2004, с. 99–105], которого затем А. С. Пушкин назвал «великан романтической поэзии» [Пушкин, 2000, с. 243], великий немецкий поэт, писатель, философ и мыслитель (1749–1832), лейпцигского периода до 1770 года, пишет стихи «Прекрасная ночь», где путник идёт лунной ночью через лес, дающий отраду его душе: «Покидаю домик скромный, // Где моей любимой кров. // Тихим шагом в лес огромный // Я вхожу под сень дубов. // Прорвалась луна сквозь чащи: // Прошумел зефир ночной, // И, склоняясь, льют всё слаще // Ей берёзы ладан свой. // Я блаженно пью прохладу // Летней сумрачной ночи! // Что душе даёт отраду, // Тихо чувствуй и молчи...» (пер. А. Кочеткова) [Гёте, 1975, с. 27].

К веймарскому периоду около 1780-го года относится другое стихотворение Гёте «ночной тематики» «К Луне»: «...Эхо жизни прожитой // Вновь тревожит грудь, // Меж весельем и тоской // Одинок мой путь... // Всё, о чём мы в вихре дум // И не вспомним днём, // Наполняет праздный ум // В сумраке ночном» (пер. В. Левика) [Гёте, 1975, с. 53–54]. В том же 1780-м году Гёте пишет свою знаменитую «Ночную песню странника» («Wanderer's Nachtlied»), переложение которой создаёт М. Ю. Лермонтов в 1839–1841 гг.: «Горные вершины // Спят во тьме ночной; // Тихие долины // Полны свежей

мглой; // Не пылит дорога, // Не дрожат листы... // Подожди немного, // Отдохнёшь и ты» [Лермонтов, 1988, с. 197]. Уместно привести здесь и более близкий к тексту немецкого оригинала Гёте перевод В.Я.Брюсова: «На всех вершинах – // Покой; // В листве, в долинах // Ни одной // Не дрогнет черта; // Птицы спят в молчании бора. // Подожди только: скоро // Уснёшь и ты» [Гёте, 1975, с. 173].

Характерно, что в переводе М. Ю. Лермонтова в отличие от текста Гёте присутствуют слова «дорога, ночь». Правда, оба эти смысла соединены уже в названии гётевского произведения (примечательно, что их же находим в близком по духу «Выхожу один я на дорогу...»). Впрочем, мотив сна в Вечности находим в оригинале Гёте (у Брюсова – «уснёшь и ты»), и в «Выхожу один я на дорогу...» Лермонтова («спит земля», «не... холодным сном могилы... заснуть») [Лермонтов, 1975, с. 222–223]. Лермонтов в своём переводе Гёте упускает слово «покой» (его сохраняет Брюсов). Зато в «Выхожу один я на дорогу...» дублируются синонимы «дорога» и «путь», как бы усиливающие мотив странника, путника. Впрочем, у Гёте этот мотив дороги-пути встречается весьма нередко, например, в его знаменитом большом стихотворении «Путник» («Wanderer»), в переводе В. А. Жуковского «Путник и поселанка». Здесь находим у Гёте романтически-обобщённый образ «мой страннический путь», причём, в контексте путника-пилигрима: «Здесь над гробами священной древности скитаюсь» [Гёте, 1975, с. 38]. Уместно заметить, что в Риме Гёте жил на виа дель Корсо, весьма близко к Мавзолею императора Августа. Вспомним также, что «Ночная песнь странника» Гёте написана им в сентябре 1780 года карандашом на деревянной стене лесного домика близ Ильменау, а спустя 51 год поэт посетил этот домик (за полгода до смерти) и сквозь слёзы произнёс последние заключительные строки этого великого стихотворения. Примечательно, что и «Выхожу один я на дорогу...» написано Лермонтовым между маем и июлем 1841 года, то есть также незадолго до гибели (смерти).

Что касается темы ночи, то «мир души ночной» – ведущая тема и немецкой, и английской метафизической и романтической поэзии XVIII – первой половины XIX вв. [Литературные манифесты..., 639 с.], включая «Гимны Ночи» Новалиса (1772–1801), «Ночные думы» Эдварда Юнга (1744) [Пушкин, 2004, с. 396], «Оссианские баллады» Джеймса Макферсона (1736–1796) [Пуш-

кин, 2004, с. 195; 231–232]. Ночь для романтиков [Викторович, 2004, с. 438–440] сокровенна по своей природе – не только тайн и снов, грёз, видений, но и пограничья миров, порог Вечности – ключевой для поэтического вдохновения и поэтического творчества. Можно говорить об универсальной функции мотива ночи в поэтике предромантизма и романтизма [Викторович, 2004, с. 438–440]; функции, всегда соприкасающейся с первоистоками Бытия, функции по своей природе динамичной, зыбкой и противоречивой, неисчерпаемой в своих потенциальных творческих возможностях и контекстах. С темы ночи начинается своё стихотворение «Прощание» ещё один немецкий поэт-романтик, как и Гёте, старший современник Лермонтова (его переживший) барон Йозеф фон Эйхендорф (1788–1857): «На ночь глядя лес гудит // Долго и сурово. // А вверху звезда горит // И мерцает снова, // И не вымолвить ни слова, // Только лес один гудит. // Лес и мир найдут покой, // Погрузятся в дрему, // Путник поглядит с тоской // На дорогу к дому, // Вверяясь капищу лесному, // Обрети, душа, покой» (пер. П. Карпа) [Эйхендорф, 1969, с. 175].

По своей поэтической образности и символике это стихотворение Й. Эйхендорфа даже ближе «Выхожу один я на дорогу» М. Ю. Лермонтова, чем приведенные выше произведения Гёте: здесь мы находим образы-символы ночи, звезды, путника, дороги, пути, леса (у Лермонтова – дуба), сна (у Эйхендорфа – дремы), покоя. Основной, первый по времени романтический цикл Эйхендорфа называется «Песни странника» [Эйхендорф, 1969, с. 15–40]. Здесь он выступил учеником и последователем гейдельбергских романтиков, с 1808 года этот сборник печатался в различных журналах и альманахах, а сам поэт стал одним из самых читаемых в Германии. Стихи этого сборника обычно имели характерно романтические заглавия: «Всеобщее странствие ночью», «Сумерки», «Странствующий музыкант», «Влюблённый странник», «Дорожное изречение», «Странствующий поэт». В том же цикле Эйхендорфа «О душе» [Эйхендорф, 1969, с. 161–182], откуда цитировано стихотворение «Прощание», иные называются: «Странник», «Лунная ночь», «Ночные голоса», «Ночная песня». Перекликается с «Прощанием» стихотворение «Отшельник»: «Ночная тишина земли! // Ты из-за гор встаёшь вдали, // Кругом всё сном объято, // И лишь рыбак на лоне вод // Во славу Господа поёт, // Вернувшись до заката. // ...Ночная тишина земли! // Меня здесь за день извели, // Мор-

ская даль темнеет. // Покой от радостей и бед // Даруй ты мне, пока рассвет // Над лесом не зардеет» (пер. П. Карпа) [Эйхендорф, 1969, с. 171].

Читая стихи И. Эйхендорфа, вспоминаются строки лермонтовского «Выхожу один я на дорогу»: «Ночь тиха,... пустыня внемлет Богу, и звезда с звездою говорит...» [Лермонтов, 1988, с. 222–223]. Образы ночных звёзд у М. Ю. Лермонтова находят соответствие и у немецких романтиков, старших современников русского великого поэта. Не случайно стихотворение «Вечер» Эйхендорфа заканчивается строками: «...И звёзды над спящим всходили, // Священный держа ореол» [Эйхендорф, 1969, с. 162–163]. Апология, образ «священной», а не просто «тихой ночи» пронизывает «Хлеб и вино», одно из главных произведений Фридриха Гёльдерлина (1770–1843) [Хайдеггер, 2017, с. 171–176], поэта из движения йенских романтиков конца XVIII – начала XIX вв. (в их число входил и знаменитый философ Вильгельм Шеллинг). Это движение предшествовало, а во многом породило более позднее – гейдельбергских романтиков (Арнима и Брентано, братьев Гримм, Йозефа фон Эйхендорфа и др.). У Гёльдерлина в его «Хлеб и вино», даже более, чем затем у Эйхендорфа, ночь освящена по «воле верховного Бога», она «дарует сон и забвение, святостью напоив», «священная память дом обретает в ночи», «может нам Ночь даровать льющееся слово», часто повторяются слова-образы покоя, тихой ночи, луны, сна, Бога, тайной или священной ночи, одиночества, дубравы, пути, песен поэта. Финальные строки «Хлеб и вино» Гёльдерлина удивительно и гениально перекликаются с высокими романтическими идеями, образами «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова: «Лишь временами может нести полноту божества человек, // Сон о богах – вот наша жизнь на земле. // Но блуждания странствий – нам в помощь, подобно дремоте, // Крепость нам дарит нужда, ночь же – силою к сердцу, // Покуда в бронзовых зыбках подрастают герои, уподобляясь богам, // Громом приходят они. Мне же мнится всё чаще: // Лучше уйти в сновиденья, чем без товарищей быть, // Чем жить в ожиданье пустом, не зная, что сделать, сказать, // Да и нужны ли поэты в скудную эту эпоху?... // Но они, говоришь ты, подобны жрецам винобога, // Из края в край пилигримы в этой священной Ночи» (пер. Н. Болдырева) [Хайдеггер, 2017, с. 176].

Великий мыслитель XX века Мартин Хайдеггер (1889–1976) в своём эссе о творчестве

Ф. Гёльдерлина («Гёльдерлин и сущность поэзии») [Хайдеггер, 2017, с. 5–24] называет его «поэтом поэтов», цитирует его итоговое резюме: «Поэтически жительствоует человек на этой земле». Глубочайшая соотносительность поэтического гения Гёльдерлина и Лермонтова, «пилигримов священной Ночи», делает слова М. Хайдеггера полностью относящимися и к Гёльдерлину, и к Лермонтову. Конечно, такими странниками, пилигримами священной Ночи романтиков были и Гёте, и Эйхендорф, о чём уже шла речь выше. Но ко всем им, включая Лермонтова (автора «Ночь-1» 1830, «Ночь-2» 1830, «Выхожу один я на дорогу...» 1841) [Лермонтов, 1998, с. 39–41, 42–44, 222], относятся глубокие мысли и рассуждения Мартина Хайдеггера, изначально связанные с поэтическим феноменом Гёльдерлина: «Поэтично само бытие в своей основе»; «Наше бытие, наше существование в самом своём основании поэтично»; «Поэзия есть учреждающее поименование бытия и сущность всех вещей – не всякое сказывание, но такое, через которое всё это впервые входит в Открытость»; «Поэзия пробуждает сияние нереального и сновиденного в противовес осязаемо-явной и шумной действительности, в которой мы полагаем себя укоренённо-туземными»; «Поэт сверхбогат, так богат, что часто думая о прошлом и терпеливо ожидая будущего, слабеет на столько, что желает в этой кажущейся пустоте лишь одного – заснуть. И всё же он прочно стоит в Ничто этой Ночи» [Хайдеггер, 2017, с. 7–24].

Так, по сути, Мартин Хайдеггер совершил глубинную интерпретацию не только поэтической сущности Фридриха Гёльдерлина (о чём его эссе), но и поэтической сущности великих поэтов Гёте, Эйхендорфа и нашего великого русского поэтического гения – Михаила Юрьевича Лермонтова, – поэтов с безупречным чувством сакральной основы бытия. Можно сказать, что и немецкие романтики, и М. Ю. Лермонтов в их приверженности теме путника, странника в ночи как бы всматривались, разгадывали тайны Ночи, как некой священной Книги Бытия. Заслуживает особого внимания обращение зрелого Пушкина к образу путника в его незаконченном произведении 1835 года «Странник» [Пушкин, 1936, с. 437–438]. Известно, что это переложение начала прозаического текста английского писателя и поэта Джона Беньяна (1628–1688) «Pilgrim`s progress» [Пушкин, 2004, с. 61–62; The reader`s..., 1973, p. 402–404]. Пушкинские строки привлекли внимание Ф. М. Достоевского в его

знаменитой речи «Пушкин» о «всемирной отзывчивости» поэта. Великий писатель зорко подметил в пушкинском отрывке его позднее внимание к английской литературе и поэзии: «Вспомните странные стихи: «Однажды странствуя среди долины дикой...». Это почти буквальное переложение первых трёх страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора» [Достоевский, 1979, с. 63].

Мотив странника и странствия, явно романтический по своему характеру, в этих строках Пушкина из первоначально английского (переложение Дж. Беньяна) [Пушкин, 2004, с. 61–62; *The reader's...*, 1973, p. 402–404] явно выходит в масштабный поэтический, почти дантовский, контекст [Лютман, 2005, с. 332–335]. Поздний Пушкин, выйдя за рамки привычного для него с ранних лет, с детства французского языка [Лютман, 2005, с. 845], настойчиво изучал английский язык [Вейдле, 2000, с. 237–238], причём «изучил английский язык за четыре месяца в 1828 г. и читал в итоге Байрона и Шекспира в подлиннике, «как на своём родном языке» [Долинин, с. 16], читал также по-немецки и по-испански, действительно, проникался той самой «мировой отзывчивостью», о которой писал Ф. М. Достоевский. Говоря об особом внимании Пушкина к Шекспиру [Пушкин, 2004, с. 376–383], Ф. М. Достоевский настойчиво отмечает особый интерес Пушкина к английским текстам: «Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из «Фауста», вот «Скупой рыцарь» и баллада «Жил на свете рыцарь бедный». Перечтите «Дон Жуана», и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме «Пир во время чумы!» Но в этих фантастических образах слышен гений Англии; эта чудесная песня о чуме героя поэмы, эта песня Мери со стихами: «Наших деток в шумной школе // Раздавались голоса», – это английские песни, это тоска британского гения, его страдальческое предчувствие своего грядущего» [Достоевский, 1979, с. 62–63].

В. М. Жирмунский, известный специалист по сравнительно-историческому изучению литератур [Жирмунский, 1979, с. 493], отмечал, что ранний Пушкин «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника» писал в своих заметках,

что «(они) отзываются чтением Байрона, от которого я тогда с ума сходил», а Пушкин Михайловского периода писал в набросках предисловия к «Борису Годунову»: «Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов» [Жирмунский, 1979, с. 81]. В этот период в заметках Пушкина находим характерные строки «...отца нашего Шекспира», – он признавал великого англичанина едва ли не основоположником европейского романтизма [Вейдле, 2000, с. 235–239]. Поздний Пушкин своё внимание перенёс на поэтов-романтиков английской Озёрной школы Р. Саути [Пушкин, 2004, с. 302–304], У. Вордсворта [Пушкин, 2004, с. 89–91], С. Т. Кольриджа [Пушкин, 2004, с. 168–170]. В. В. Вейдле в своей работе «Пушкин и Европа» [Вейдле, 2000, с. 234–244] отмечал: «Характерно, например, что единственным литературным направлением современного ему Запада, чьи художественные принципы Пушкин вполне одобрял, была английская «озёрная школа», своё отношение к которой он подчеркнул тем, что подражал Вордсворту, переводил Саути, обратил внимание на близкого к ней Вильсона и заботился о переводах из Барри Корнуолла для «Современника» ещё в утро последней дуэли» [Вейдле, 2000, с. 237–238]. Речь идёт о том, что в день дуэли, 27 января 1837 г., Пушкин встречался с детской писательницей А. О. Ишимовой и обратился к ней по поводу перевода некоторых «драматических очерков» английского поэта Барри Корнуолла (1787–1874) [Пушкин, 2000, с. 615]. Великий поэт неоднократно обращался в своём творчестве к интерпретациям стихов этого английского автора. Например, стихотворение Пушкина (1835) «О бедность! затвердил я, наконец...» [Пушкин, 1993, с. 527] представляет собой черновой перевод начала драмы Барри Корнуолла «Сокол» (монолог Федерико), а известное произведение Пушкина (1830) «Пью за здоровье Мери...» (в английском оригинале «Song») имеет авторский подзаголовок «Из Baggy Cornwall» [Пушкин, 1993, с. 464]. Больше того, Б. В. Томашевский в своём комментарии к тому сочинению Пушкина 1836 г. пишет, что известное стихотворение Пушкин «Эхо» (1831) [Пушкин, 1993, с. 478] «обнаруживает сходство со стихотворением Барри Корнуолла «Прибрежное эхо» [Пушкин, 1936, с. 896].

Известные специалисты по сравнительному изучению литератур А. С. Долинин [Долинин, 2007, с. 280] и Е. Ю. Гениева [Гениева, 2008,

с. 429–445], как, впрочем, и отмеченный выше В. В. Вейдле [Вейдле, 2000, с. 234–244], писали об интересе Пушкина к поэзии Роберта Саути [Пушкин, 2004, с. 302–304; Долинин, 2007, с. 155–181]. В 1835 году великий поэт обращается к тексту поэмы Р. Саути «Родерик, последний из готов», по поводу чего появляется фрагмент «Родрик» [Пушкин, 1993, с. 521–522] и другой фрагмент «На Испанию родную» [Пушкин, 1993, с. 518–521]. Стихотворение Пушкина «Ещё одной высокой, важной песни...» – это начало поэмы Р. Саути «Гимн к пенатам» [Гиривенко, 1999, с. 454–460]. А известные строки Пушкина: «Два чувства дивно близки нам – // В них обретает сердце пищу – // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам» [Пушкин, 1993, с. 450], – это тоже парафраз, как считает Е. Ю. Гениева [Гениева, 2008, с. 429–445], из того же произведения Р. Саути, столь плодотворно развивавшего тему Дома: «Не преставал молить благоговейно вас, божества домашние» [Гениева, 2008, с. 434].

А. Н. Гиривенко в статье «Поэзия Роберта Саути в интерпретации Пушкина: спорные вопросы рецепции» [Гиривенко, 1999, с. 454–460] приводит и анализирует тексты английских оригиналов Р. Саути «Гимн пенатам» («Hymn to the Penates») и их упомянутых выше интерпретаций 1829–1830 гг. А. С. Пушкина, а также тексты из поэмы того же английского автора на героический сюжет из средневекового Уэльса «Mados» и двадцать шесть строк их пушкинского переложения «Медок», который Пушкин обозначил, как «Медок в Уаллах», – этим словом наш поэт хотел передать английское название Уэльса [Гиривенко, 1999, с. 454–460]. Исследовательница отмечает, что библиотека А. С. Пушкина имела четыре отдельных издания Р. Саути, которого наш великий поэт, видимо, особо выделял для себя среди английских романтиков, причём три английских издания 1822, 1829, 1830 г. г. и одно французское издание 1820 года (причём все тома разрезаны, то есть Пушкин работал с ними) [Гиривенко, 1999, с. 454–460].

В продолжение и развитие исследования А. Н. Гиривенко 1999 г. целую главу своей книги А. С. Долинин посвятил анализу английского текста поэмы Р. Саути и двух взаимосвязанных переложений А. С. Пушкина 1835 г. «На Испанию родную...» и «Родрик» [Долинин, 2007, с. 155–181]. Тот же учёный в своём труде «Пушкин и Англия» неоднократно возвращался (с опорой на более ранние статьи А. Габричевского

1914 г. и Д. Д. Благого 1962 г.) к исследованию текста фрагмента «Странник» А. С. Пушкина, а также связей поэтики позднего Пушкина с творчеством английских романтиков «озёрной школы» У. Вордсворта, Р. Саути и С. Кольриджа [Долинин, 2007, с. 43–52]. Что важно, А. С. Долинин делает акцент на особо важный для творческой личности А. С. Пушкина мотив «внутренней свободы», подчеркнув особенное значение в этом плане, прежде всего, такого автора «озёрной школы», как У. Вордсворт.

Что касается интереса Пушкина к произведениям С. Т. Кольриджа [Пушкин, 2004, с. 168–170], то поэт пришёл к нему через знакомство с изданиями Хартли Кольриджа (в библиотеке Пушкина сохранились его книги, например, «Poems of Hartley Coleridge» 1833 года издания) [Пушкин, 2000, с. 615]. Если вернуться к переложению Пушкина начала книги Джона Беньяна «Pilgrim's progress» [Пушкин, 2004, с. 61–62; The reader's..., 1973, p. 402–404] XVII в., кстати, одновременной с истоками английского предромантизма в школе поэтов-метафизиков, то заголовки «Странник» [Пушкин, 1936, с. 437–438] более чем характерен для настроения поэта последних лет его жизни, стремившегося убежать, скрыться от поглотившего его мира обыденности. Именно этим объясняется и появление поэтического переложения из Ефрема Сирина «Отцы пустынноики и девы непорочны...» [Пушкин, 1936, с. 442] (1836), и образ юноши, читающего книгу («Странник») [Пушкин, 1936, с. 437–438], под которой поэт явно имел в виду Библию (или Евангелие). Произведения Пушкина 1835 года: «Странник» [Пушкин, 1936, с. 437–438] (переложение английского текста Дж. Беньяна), «Родрик» и «На Испанию родную...» [Пушкин, 1993, с. 518–522] (переложения английского текста Р. Саути) [Пушкин, 2004, с. 302–304] объединяют мотивы испытаний героя, ночных снов, видений и мотив пути спасения.

Заключение. Пушкин вёл внутренний диалог с самим собой. Тексты 1835 года в этом плане как бы продолжают духовный поиск, отражённый в тексте 1830 года «Мне не спится, нет огня...». Вопросание ночи: «Ты зовёшь, или пророчишь. // Я понять тебя хочу, // Смысла я в тебе ищу...» [Пушкин, 1936, с. 420], – находит продолжение в текстах 1835 года «На Испанию родную...» [Пушкин, 1993, с. 418–421] и «Родрик» [Пушкин, 1993, с. 421–422]. Помогают, поддерживают эти вопрошания пророческих глубин ночи переложения английских поэтов Р. Саути

(«На Испанию родную...») [Пушкин, 1993, с. 418–421] и Дж. Беньяна («Странник») [Пушкин, 1936, с. 437–438]. Мотивы ночных снов и видений в этих текстах выводят на всё тот же мотив пути. В «Страннике» [Пушкин, 1936, с. 437–438] появляется, как уже говорилось выше, указующий путь юноши, читающего книгу (Ангела, читающего святое Евангелие). Указует путь Свет, о котором говорит [Пушкин, 1936, с. 437–438] Ангел, – тот ориентир верного Пути для Странника (героя-повествователя). Характерно, что в текстах переложений Дж. Беньяна [Пушкин, 2004, с. 61–62] и Р. Саути [Пушкин, 2004, с. 302–304] финальным, завершающим пушкинские переложения является мотив Пути, указующий Свет в священной Ночи, – тот самый о котором писали немецкие поэты-романтики Гёте [Пушкин, 2004, с. 99–105], Эйхендорф и М. Ю. Лермонтов. Вот эти пушкинские концовки текстов: «Странник» – «...Спешил перебежать городское поле, // Дабы скорей узреть – оставя те места, // Спасенья верный путь и тесные врата...» [Пушкин, 1936, с. 437–438]; «На Испанию родную...»: «...Пробудясь, Господню волю // Сердцем он уразумел, // И, с пустыней расставаясь, // В путь отправился король...» [Пушкин, 1993, с. 418–421]. «Ночные вопрошания» Пушкина в текстах 1830 и 1835 годов с обращением к переложениям текстов английских поэтов Дж. Беньяна и Р. Саути является ярким подтверждением гениальных мыслей Ф. М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» [Достоевский, 1979, с. 62–64] нашего великого поэта.

Библиографический список

1. Вейдле В. В. Пушкин и Европа // Пушкин: Pro et contra. Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. II. С. 234–244.
2. Викторovich В. А. Романтизм // Онегинская энциклопедия / глав. ред. Н. И. Михайлова. Москва : Русский путь, 2004. Т. 2. С. 438–440.
3. Гениева Е. Ю. Последняя трагедия Пушкина // Лотман Ю. М. Пушкин. Статьи и заметки. Москва : Вагриус, 2008. С. 429–445.
4. Гёте И.-В. Лирика // сост., статья, примечания С. Тураев. Москва : Детская литература, 1975. 190 с.
5. Гиривенко А. Н. Поэзия Роберта Саути в интерпретации Пушкина: спорные вопросы рецепции // Университетский Пушкинский сборник / отв. ред. В. Б. Катаев. Москва : Изд-во МГУ, 1999. С. 454–460.
6. Долинин А. С. Пушкин и Англия. Цикл статей. Москва : Новое Литературное Обозрение, 2007. 280 с.
7. Достоевский Ф. М. Пушкин // Дань признательной любви. Русские писатели о Пушкине. Ленинград : Лениздат, 1979. С. 47–67.
8. Жирмунский В. М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Ленинград : Наука, 1979. С. 158–173.
9. Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах // сост., комментарии И. С. Чистова. Т. 1. Москва : Правда, 1988. 719 с.
10. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : Изд-во Советская энциклопедия, 1981. 784 с.
11. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. С. Дмитриева. Москва : Изд-во МГУ, 1980. 639 с.
12. Лотман Ю. М. Пушкин. Статьи и заметки. Москва : Вагриус, 2008. 447 с.
13. Пушкин. Исследования и материалы. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». Санкт-Петербург : Наука, 2004. 445 с.
14. Пушкин А. С. Pro et contra. Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. II. 702 с.
15. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 5 томах. Санкт-Петербург : Библиополис, 1993. Т. I. 599 с.
16. Пушкин А. С. Сочинения / сост., ред., статьи и примечания Б. В. Томашевского. Ленинград : Государственное издательство «Художественная литература», 1936. 975 с.
17. Хайдеггер Мартин. О поэтах и поэзии. Гёльдерлин. Рильке. Трагль / сост., статья, примечания Н. Болдырев. Москва : Водолей, 2017. 239 с.
18. Эйхендорф Й. Стихотворения / пер., сост., статья и примечание П. Карп. Ленинград : Художественная литература, 1969. 223 с.
19. Bayley J. Pushkin: A Comparative Commentary. Cambridge : University Press, 1871. 180 p.
20. Pushkin // The reader's companion to world literature / C. S. Brown (gen. editor). New-York : The New American Library, 1973. P. 436–437.
21. The reader's companion to world literature / C. S. Brown (gen. ed.). New-York : The New American Library, 1973. 577 p.

Reference list

1. Vajdle V. V. Pushkin i Evropa = Pushkin and Europe // Pushkin: Pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Aleksandra Pushkina v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologija. Sankt-Peterburg : Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000. T. II. S. 234–244.
2. Viktorovich V. A. Romantizm = Romanticism // Oneginskaja jenciklopedija / glav. red. N. I. Mihajlova. Moskva : Russkij put', 2004. T. 2. S. 438–440.

3. Genieva E. Ju. Poslednjaja tragedija Pushkina = Pushkin's last tragedy // Lotman Ju. M. Pushkin. Stat'i i zametki. Moskva : Vagrius, 2008. S. 429–445.
4. Gjote I.-V. Lirika = Lyrics // sost., stat'ja, primechanija S. Turaev. Moskva : Detskaja literatura, 1975. 190 s.
5. Girivenko A. N. Pojezija Roberta Sauti v interpretacii Pushkina: spornye voprosy recepcii = Robert Southey's poetry as interpreted by Pushkin: controversial issues of perception // Universitetskij Pushkinskij sbornik / otv. red. V. B. Kataev. Moskva : Izd-vo MGU, 1999. S. 454–460.
6. Dolinin A. S. Pushkin i Anglija. Cikl statej = Pushkin and England. Series of articles. Moskva : Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2007. 280 s.
7. Dostoevskij F. M. Pushkin = Pushkin // Dan' priznatel'noj ljubvi. Russkie pisateli o Pushkine. Leningrad : Lenizdat, 1979. S. 47–67.
8. Zhirmunskij V. M. Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izuchenija literatur = Problems of comparative and historical study of literatures // Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad. Leningrad : Nauka, 1979. S. 158–173.
9. Lermontov M. Ju. Sochinenija v dvuh tomah = Works in two volumes // sost., kommentarii I. S. Chistova. T. 1. Moskva : Pravda, 1988. 719 s.
10. Lermontovskaja jenciklopedija = Lermontov encyclopedia / gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : Izd-vo Sovetskaja jenciklopedija, 1981. 784 s.
11. Literaturnye manifesty zapadnoevropejskikh romantikov = Literary manifestos of the Western European Romantics / pod red. A. S. Dmitrieva. Moskva : Izd-vo MGU, 1980. 639 s.
12. Lotman Ju. M. Pushkin. Stat'i i zametki = Pushkin. Articles and notes. Moskva : Vagrius, 2008. 447 s.
13. Pushkin. Issledovanija i materialy. Pushkin i mirovaja literatura. Materialy k «Pushkinskoj jenciklopedii» = Pushkin. Studies and materials. Pushkin and world literature. Materials for the «Pushkin Encyclopedia». Sankt-Peterburg : Nauka, 2004. 445 s.
14. Pushkin A. S. Pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Aleksandra Pushkina v ocenke russkikh myslitelej i issledovatelej. Antologija = Pro et contra. The personality and work of Alexander Pushkin in the assessment of Russian philosophers and researchers. Anthology. Sankt-Peterburg : Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000. T. II. 702 s.
15. Pushkin A. S. Sobranie sochinenij v 5 tomah = Collected works in 5 volumes. Sankt-Peterburg : Bibliopolis, 1993. T. I. 599 s.
16. Pushkin A. S. Sochinenija = Works / sost., red., stat'i i primechanija B. V. Tomashevskogo. Leningrad : Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 1936. 975 s.
17. Hajdegger Martin. O pojetah i poezii. Gjol'derlin. Ril'ke. Trakl' = About poets and poetry. Hölderlin. Rilke. Trakl / sost., stat'ja, primechanija N. Boldyrev. Moskva : Vodolej, 2017. 239 s.
18. Jehendorf J. Stihotvorenija = Poems / per., sost., stat'ja i primechanie P. Karp. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1969. 223 s.
19. Bayley J. Pushkin: A Comparative Commentary. Cambridge : University Press, 1871. 180 p.
20. Pushkin // The reader's companion to world literature / C. S. Brown (gen. editor). New-York : The New American Library, 1973. P. 436–437.
21. The reader's companion to world literature / C. S. Brown (gen. ed.). New-York : The New American Library, 1973. 577 p.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.

The article was submitted on 13.12.2021; approved after reviewing 20.01.2021; accepted for publication on 26.01.2022.